

**СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН /
THE SOVIET STATE AS A HISTORICAL AND CULTURAL PHENOMENON**

DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-117-134>
УДК 316.61: 355.292.3

**СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ФРОНТОВИКОВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ**

Д. А. Сафонов

*Тамбовский государственный технический университет
ул. Советская, 106/5, помещение 2, Тамбов, 392000, Россия*

Аннотация

Введение. Советская историография традиционно видела в фронтовиках сторонников большевистской партии, активных участников установления советской власти на местах. Подобный подход убедительно подкреплялся свидетельствами из мемуаров участников событий. Специальных воспоминаний о мировой войне почти нет – участие в ней не являлось предметом гордости; в основном о пребывании на фронте сообщалось в связи с последующими революционными событиями. Современная историография рассматривает фронтовиков более вариативно, но по сути использует ту же источниковую базу. Поскольку с фронта вернулись миллионы, а мемуары оставили тысячи, то выводы, сделанные на основе этих источников, достаточно уязвимы, особенно если исследователи настаивают на всеобщности таковых. Многие суждения – о нежелании солдат воевать, желании получить дома землю и т.п. – сделаны не на основе источниковедческих фактов, но логических рассуждений. **Материалы и методы.** В данной статье предпринята попытка анализа источников личного происхождения фронтовиков одного региона – Оренбургской губернии. Полная коллекция воспоминаний, автобиографий и т.п., отражена в каталоге, изданном в 2021 г. и включает в себя материалы архивов Оренбургской области (государственные архивы, архивы музеев) и архивов сопредельных территорий (Самары, Уфы, Челябинска) – всего 160 авторов, а также автобиографии из личных дел номенклатуры отдела кадров Оренбургского обкома КПСС – 245 текстов. Суммарно эти 405 источников можно допустить как естественную выборку, позволившую создать социальный портрет фронтовиков юго-востока европейской части страны с фиксацией вариантов тех или иных аспектов. Полученные данные в отдельных случаях не согласуются с общепринятыми суждениями общероссийского масштаба. **Результаты.** Процесс возвращения с фронтов затянулся до 1919 года. Принятый в историографии тезис, что солдаты-крестьяне торопились домой, чтобы успеть получить землю по декрету о земле, не находит подкрепления в источниках. Не находит поддержки и тезис о массовых революционных настроениях фронтовиков и их готовности и желании сражаться за новую власть. Абсолютное большинство вернувшихся с войны стремились устроить нормальную мирную жизнь. В Красную Гвардию (а затем и Красную Армию) добровольцами сразу ушли те, кто не смог найти работу – служба в Красной гвардии была альтернативным источником средств к существованию. **Заключение.** Значительное число крестьян вернулось к хозяйствованию на земле, и оказались втянуты в противостояние гражданской войны только через мобилизации 1919 г.

Ключевые слова: поколение фронтовиков, социальный портрет, Южный Урал, источники личного происхождения, автобиографии, мотивы возвращения с фронта, участие в гражданской войне.

Для цитирования: Сафонов Д. А. (2024). Социальный портрет фронтовиков Первой мировой войны: информационные возможности // История: факты и символы. № 1 (38). С. 117-134 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-117-134

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (РНФ) № 22 -18 – 00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Статья поступила: 10.10.2023

Статья принята в печать: 27.02.2024

Статья опубликована: 15.03.2024

© Сафонов Д., 2024

SOCIAL PORTRAIT OF VETERANS OF THE FIRST WORLD WAR: INFORMATION OPPORTUNITIES

Dmitriy Safonov

Tambov State Technical University

st. Sovetskaya, 106/5, room 2, Tambov, 392000, Russia

Abstract

Introduction. Soviet historiography has traditionally seen the front-line soldiers as supporters of the Bolshevik Party, active participants in the establishment of Soviet power in the localities. This approach was convincingly supported by evidence from the memoirs of participants in the events. There are almost no special memories of the World War - participation in it was not a matter of pride; mainly about staying at the front was reported in connection with subsequent revolutionary events. Modern historiography considers front-line soldiers more variably, but essentially uses the same source base. Since millions have returned from the front, and thousands have left memoirs, the conclusions drawn from these sources are quite vulnerable, especially if researchers insist on their universality. Many judgments are about the unwillingness of soldiers to fight, the desire to get land at home, etc. - made not on the basis of source facts, but logical reasoning. **Materials and methods.** This article attempts to analyze the sources of personal origin of the front-line soldiers of one region - the Orenburg province. A complete collection of memoirs, autobiographies, etc., is reflected in the catalog published in 2021 and includes materials from the archives of the Orenburg region (state archives, museum archives) and archives of adjacent territories (Samara, Ufa, Chelyabinsk) - a total of 167 authors, as well as autobiographies from the personal files of the personnel department of the Orenburg Regional Committee of the CPSU - 240 texts. In total, these documents can be considered as a natural sample, which made it possible to create a social portrait of front-line soldiers in the southeast of the European part of the country with fixation of variants of certain aspects. The data obtained in some cases do not agree with the generally accepted judgments of the all-Russian scale. **Results.** The process of returning from the fronts dragged on until 1919. The thesis accepted in historiography that the peasant soldiers were in a hurry to get home in order to have time to receive land under the decree on land, does not find any support in the sources. The thesis about the mass revolutionary moods of the front-line soldiers and their readiness and desire to fight for the new government does not find support either. The vast majority of those who returned from the war sought to arrange a normal peaceful life. Those who could not find work immediately left for the Red Guard (and later the Red Army) as volunteers - service in the Red Guard was an alternative source of livelihood. **Conclusion.** A significant

number of peasants got back to farming on land, and were drawn into the confrontation of the civil war only through the mobilization of 1919.

Keywords: Generation of front-line soldiers, social portrait, Southern Urals, sources of personal origin, autobiographies, motives for returning from the front, participation in the civil war

For citation: Safonov D. A. (2024). Social portrait of front-line soldiers of the First World War: information opportunities In History: facts and symbols, 1 (38), 117-134 doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-117-134

Acknowledgments: The study has been realized with support of Russian Science Foundation grant no. 22-18-00132, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Received: 10.10.2024

Revised: 27.02.2024

Published: 15.03.2024

© Safonov D., 2024

1. Введение

Идея «поколенческой истории», т.е. постижения истории через историю конкретных поколений, озвученная в свое время Т. Шаниным [59], в настоящее время разрабатывается достаточно активно, и по многим направлениям [16, 15, 55, 13]. Среди таковых «поколение революции» как объект изучения представляет собой несомненный интерес. Как известно, единого критерия для определения «поколения» нет; оно может включать в себя всех, живущих в определенный временной период; «активных» участников происходившего и условных «жертв», тех, кто был вынужден существовать в новых условиях; только формирующихся как личности и уже сформировавшихся и т.п. Авторы «теории поколений» Н. Хау и В. Штраус предлагали идентифицировать поколение по трем критериям: одна историческая эпоха, представители одного поколения сталкиваются с одинаковыми ключевыми историческими событиями; разделяют определенные общие убеждения и модели поведения и разделяют чувство принадлежности к данному поколению [60]. Принимая эту точку зрения, мы все же склонны видеть как бы «внутри» каждого такого поколения наличие субпоколений (термин создан по аналогии с суб-культурами). Так что в «поколении революции» видны различия между теми, кто начал работать до революции и теми, кто начал трудовую деятельность уже при советской власти; между фронтовиками первой мировой и теми, кто по возрасту не был призван. В последнем случае рубежом становится конкретный год: более 600 тысяч, родившихся в 1898 г., были призваны в 1917 г.; рожденные в 1899 г. на фронт не попали. Ментально они безусловно отличались друг от друга. Впрочем, и «фронтовики» не были едины: факт призыва на военную службу в условиях военного времени объединял всех, а вот срок и место службы могли серьезно различаться: призванный еще в 1912 г. и демобилизованный в итоге в 1918-м; призванный в мае 1917 г. и демобилизованный (самодемобилизовавшийся) осенью; находившиеся непосредственно на фронтах и в тыловых частях в Средней Азии или на Дальнем Востоке; оказавшиеся в плену; подхваченные по годам призыва, но имевшие «бронь» и т.д. Это не противопоставляет одну группу другой; более того, со временем возрастные и иные различия внутри поколения, ощутимо присутствующие поначалу, в дальнейшем как бы скрадываются, оставляя основное – в данном случае – призыв в армию во время войны.

Изучение фронтовиков как особой социальной группы предпринималось достаточно давно. Другое дело, насколько эффективным можно полагать это изучение: с войны вернулись миллионы. При таком исходном количестве свидетельства сотен, тысяч, и даже десятков тысяч человек не могут быть гарантированно приняты как реальное отражение взглядов

всех фронтовиков, их мировоззрения и проч. Но этого и не требовалось; видение вопроса в советской историографии подчинялось строгой схеме, причем, что немаловажно, с достаточно убедительным обоснованием. Сама схема и само видение вопроса сегодня очевидны: первая мировая война была важной предпосылкой революции 1917 года; большевизация армии нарастала с каждым годом, в итоге именно фронтовики оказались той подлинно революционной силой, обеспечивших в итоге победу красных в гражданской войне¹. Иными словами, результат объясняет причины. Есть масса свидетельств мемуаристов, о том, как они становились на фронте большевиками, как возвращались в родные края, как боролись за советскую власть. Наличие подобных свидетельств, чье происхождение никоим образом не ставится под сомнение, лишь подкрепляет логику рассуждений. И действительно, свидетельств иного рода, полярно противоположных, практически нет.

В пост-советскую эпоху стали появляться работы, естественным образом выходящие за жесткие рамки прежде доминирующей историографии. Но при этом они достаточно закономерно использовали наработки предшествующего времени; можно даже сказать, что авторы следовали историографической традиции – в итоге тема революционирования фронтовиков и их вовлечения в гражданскую войну оставалась (и остается) преобладающей, разве что с выделением в качестве приоритетных отдельных аспектов: степень участия фронтовиков в революции (И. В. Грибков) [17], участие их в февральской революции и самоорганизация фронтовиков (А. В. Посадский) [52], армия как революционная школа (С. В. Кистанов) [20], роль фронтовиков в политической динамике 1917-1918 гг. (Д. А. Сафонов) [53], организация фронтовиков в «союзы» (Н. А. Заяц, А. В. Посадский) [19,52].

Самая серьезная проблема, которая встает перед исследователем, ставящим тот или иной вопрос этой обширной темы, это аргументированность выводов, особенно всеобщего характера. Следует признать, что достаточно часто таковые подкреплялись либо иллюстрациями из различных свидетельств, либо основывались на логических рассуждениях. Роберт Воль заявлял темой исследования «поколение 1914 года», европейский менталитет, как коллективный, так и индивидуальный – но в реальности предлагал читателю свое видение менталитета элиты среднего класса пяти европейских стран, излагая, подробно и детально, историю нескольких молодых людей [61]. Французский историк А. Сумпф писал, что общество не обеспечило фронтовикам «адаптацию к мирной жизни и не приняло во внимание их военный опыт. Зато бой, плен, увечье, болезни глубоко изменили мировоззрение вчерашних солдат» [58, с. 498]. Последняя фраза абсолютно не вызывает споров – здравый смысл говорит, что перечисленные факторы, разумеется, никак не могли пройти для вчерашних солдат бесследно. Но напрасно искать у автора доказательства; их нет. Данная работа вообще построена в нетрадиционной манере сообщения не итогов исследования, но намерений автора исследовать те или иные аспекты. Гипотетическое суждение, что «самый перспективный подход — создать социальную микро-историю одной части (полка) с момента мобилизации до момента возвращения последних солдат домой» [58, с. 498] остается лишь красивым рассуждением; любой, сведущий в теме, сразу укажет на невозможность отследить возвращение домой каждого солдата любой части в условиях дезертирства и массовой демобилизации.

Сходные примеры обязывающих, но не доказываемых, утверждений у иностранных авторов приводит В. С. Коновалов: «Дж. Хоскинг пишет, что к этому времени многие солдаты

¹ Типичный пример: «В апреле был разрешен отпуск солдат сорока лет и старше на полевые работы. Это усилило приток солдат в деревню. Они внесли в крестьянскую среду революционные антивоенные настроения. Многие из них, включаясь в борьбу крестьян за землю, оказывали на своих земляков революционизирующее влияние. Нередко солдаты-отпускники не возвращались в свои части, а оставались жить в деревне» [57, с.62.]

уже твердо решили, что им нет никакого смысла защищать чью-то Россию. Вместо этого они стремились как можно скорее вернуться домой и принять участие в распределении отнятой у помещиков земли. Недавно взлелеянный патриотизм мгновенно исчез, а на смену ему пришло чувство «малой родины», пораженной жестоким кризисом» [Хоскинг Дж. Россия и русские: В 2 т. – М., 2003. – Т. 2. – 493 с.]; «Анализ солдатских писем, проведенный В. Барнетом, показывает, что прежде всего волновало и беспокоило солдат-крестьян состояние собственного хозяйства»; «Тот факт, что солдаты к тому времени стали шаткой и неустойчивой массой, восприимчивой для революционного воздействия, отмечают многие историки (П. Холквист)» [Holquist P. Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis 1914–1921. – Cambridge (Mass.), 2002. – 359 p.] [21]

В итоге мы наблюдаем у отечественных авторов более скромные по заявкам, но более информационно подкрепленные работы без претензий на всеобщность выводов, зато имеющие более убедительную источниковую базу. В качестве примеров отметим источники уже названных выше авторов: материалы Литературного фонда Музея-заповедника «Дмитровский Кремль» (И. В. Грибков, 2014), мемуарные свидетельства «красных» в коллекции Истпарта и дела Саратовского революционного трибунала (А. В. Посадский, 2014), коллекция воспоминаний о революции и гражданской войне в Оренбургском крае (Д. А. Сафонов, 2014), публикации в центральной республиканской газете «Советская Мордовия» за 1964–1968 гг., и районных газетах МАССР за 1967 год (С. В. Кистанов, 2018).

Рассмотрение темы прежде всего на региональных уровнях представляется нам наиболее результативным; это позволяет с большой долей вероятности очертить рамки источниковой базы и тем самым аргументировать свои выводы и наблюдения; хотя, разумеется, не гарантирует всеобщности наблюдений и выводов. Последние, на наш взгляд, успешно восполняются как раз уже приведенными общими суждениями о влиянии войны на психику воевавших, последствиях войны и т.п.

Предпримем попытку представить социальный портрет фронтовика одного региона – в данном случае, Южного Урала – юго-восточной окраины европейской части России.

2. Материалы и методы

В качестве источниковой базы возьмем коллекцию воспоминаний о революции и гражданской войне на юго-востоке¹. В изданном в 2021 г. каталоге отражены все имеющиеся источники личного происхождения, связанные с рассматриваемым периодом². Основной массив мемуаров создан во второй половине 1950-х гг. Тогда, в преддверии 40-летия Октября, была развернута кампания по сбору мемуаров о гражданской войне. Одновременно с инициативными авторами партийные органы побуждали ветеранов записать собственные воспоминания. В итоге образовались личные источники двух типов: собственно воспоминания (с названиями типа «Незабываемые годы», «Записки красногвардейца», «Воспоминания участника» и т.п.) и «автобиографии». В последнем случае авторы излагали сведения о себе, о своей жизни, с основным акцентом на событиях гражданской. Рассказ об участии в мировой войне не был главным; порой автор ограничивались несколькими фразами.

Эти источники личного происхождения имели свои недостатки – как традиционно свойственные этому типу источников, так и predetermined исходными целями собирателей текстов и авторов. В первом случае речь идет о субъективном восприятии происхо-

¹ В статье 2014 г. нами были использованы данные коллекции, включавшей на тот момент около 400 текстов, из них 44 автора-фронтовика. К настоящему времени в каталоге учтены 2836 текстов, из них участников мировой войны - 160. [54]

² В каталоге отражены все источники личного происхождения, имеющиеся в архивохранилищах Оренбургской области (архивы, их филиалы, архивы музеев Оренбурга и Орска), а также имеющиеся в хранилищах за пределами области – в Самаре, Уфе, Челябинске. Кроме того, отмечены все книжные и газетные публикации, в том числе районных газет и многотиражек.

дившего и описании его авторами, в массе своей не очень грамотными, и описывающих события почти полувековой давности. Во втором случае авторы в абсолютной массе своей использовали принятую тогда лексику и стилистические формулы; существующая оценка мировой войны как «империалистической» исключала возможность гордиться своим участием в ней, поэтому все авторы были крайне скупы на детали, уделяя более внимание тяготам службы, тупости царских офицеров, и массовому нежеланию трудящихся воевать «за царя». Также некоторые, опять-таки по понятным мотивам присочиняли себе революционные заслуги (или то, что они под этим понимали)¹. Есть некоторое количество опубликованных мемуаров в сборниках и газетных публикаций. Тексты в этом случае подвергались серьезной редактуре². В рукописных мемуарах авторы по понятным причинам старались приукрасить свое участие в происходившем: например, К. Я. Пермяков утверждал, что в 1917 г. он «ушел» с фронта в с. Петровское, где якобы организовал отряд Красной Гвардии в 350 сабель, и был назначен приказом стачечного комитета начальником этого отряда [25, л. 87]. В текстах встречаются показательные лакуны, позволяющие замечать намеренные замалчивания отдельных эпизодов: так, тот же К. Я. Пермяков указывал, что начал работать только с 17 лет батраком, вплоть до ухода на действительную службу в 1914 г., когда ему исполнилось 22 года. А. Г. Томский сообщал, что его призвали 15 мая 1916 г., и сразу же – что в мае 1918 г. в их село вошли белые казаки [4, л. 3].

Документы личного характера можно определить условно как источники группы «А».

Также нами привлечена другая группа источников с информацией о фронтовиках - назовем ее условно группа «Б». Это личные дела номенклатурных работников обкома партии. В данном случае – это фонд 371 бывшего областного архива КПСС (в настоящее время - Объединенный государственный архив Оренбургской области); фонд личных дел по учету кадров. Личные дела включали информацию о приеме, передвижении и увольнении номенклатурных работников, и что важно для наших целей – автобиографию и позицию 21 в личном листке по учете кадров: «Выполняемая работа с начала трудовой деятельности (включая военную службу)». Фонд достаточно обширный, включает в себя тысячи личных дел периода 1935-1958 гг. Он понемногу начинает изучаться, в 2019 г. был издан справочник о «лидерах Оренбуржья» «советской эпохи» - за 1919 -1991 гг. В книге были даны био-данные 562 партийных руководителей Оренбургского губернского, окружного, областного, районного и городского уровней [22]. Поскольку мы ставили перед собой иные исследовательские цели, то из общего количества дел были выбраны те, которые были начаты во временном интервале 1935 (область создана в конце 1934 г.) – 1939 гг., и где работники по возрасту попадали в годы призыва первой мировой. В итоге было определено 245 личных дел.

Буквально сравнивать источники группы «А» и группы «Б» не смысла – назначение текстов было различным. Дублированных – т.е. случаев, когда один и тот же человек написал мемуары и у него было личное дело – не наблюдается. Сразу бросается в глаза, что все авторы группы «Б» точно приводят число и месяц своего ухода с фронта. Из авторов группы «А» точно так же написал только один – Д. М. Хвалев: призван 20.7.1914 г.; до

¹ П. Прокопенко утверждал, что в 1914 г. в Сызрани в запасном полку «проводил активную политическую работу среди солдат», распространял нелегальную литературу, прокламации, «работу подкреплял прямым невыполнением приказаний офицеров и саботажем», за что и был подвергнут аресту, избиениям и пыткам и осуждением на 5 лет арестантских рот [2, л. 65]. И. В. Софенков: В 1916 г. за участие в забастовке с требованиями повысить зарплату «был отправлен надзирателями в царскую армию как бунтарь [7, л. 4]. М. П. Попов: В 1916 г. устроился переписчиком в уездном по воинской повинности присутствии, украл бланки белобилетников и скрылся [46, л. 3]. Федоров Г. С.: в 1916 г. «поступил в кружок во фракцию большевиков на конспиративно-подпольной организации слушателем и выполнял секретные поручения и приобретения финансовых денежных средств и экспроприаций [так в тексте] снабжения крупных политических работников» [5, л. 1.]. Гуршин М. С.: «из царской армии был отчислен за то, что был склонен к большевикам» [39, л. 1 об.]. Кобяков А. К.: учился в воскресной школе у Н. К. Крупской [51, л. 1].

² Подробнее см.: [54, с. 38-40].

1.5.1917 г. служил в полковой плотнично-столярской мастерской, до 2.12.1917 г. столяр в авиапарке [10, л.1]. Авторы группы «Б» просто сообщали о своей службе по призыву, спокойно отмечая изменения по службе – только единственный автор в своей автобиографии допустил примерно полстраницы текста эмоционального изложения армейских тягот¹.

Имеющиеся источники можно рассматривать как естественную выборку.

3. Результаты

Социальный портрет южноуральского фронтовика включает в себя обязательные элементы, с некоторой вариативностью по отдельным позициям.

Происхождение. Преобладали по понятным причинам крестьяне. В воспоминаниях группы «А» почти обязательны упоминания о нескольких моментах: бедности семьи, низкооплачиваемом труде отца, вынужденного содержать большое семейство (от 4-х до 14-ти детей), ранняя смерть отца, реже – матери, невозможность получить образование. Некоторые обороты достаточно показательны: «батрацко-крестьянская семья», «в семье крестьянина, как раньше называли (мещанина)», в семье «городского хлебороба», «сын бедного чернорабочего из Оренбурга», «сын крестьянина из Оренбурга», отец – «бедняк фактически», «незначительное состояние», «в семье вечного батрака»; в семье мещан, отец занимался летом сельским хозяйством, зимой - извозом. Некоторые авторы добавляли впечатляющие детали: мать ходила по миру с 6 детьми (Тугов), даже хаты не было (Данилов), работал за еду и одежду (Коротов), жили в землянке (Кейлик), без права на надел (Кузнецов), 2 надела на 8 детей (Немчинов), имелась только хата (Третьяков), «работал с малых лет на орских буржуев» (Мордвинов). Авторы стремились по возможности подчеркнуть свое рабочее происхождение: Березовский Г.В. писал, что он из семьи рабочего - отец был шорником у помещика; К.Я. Пермяков в одной биографии писал, что он сын рабочего из деревни Оренбургского уезда, в другой – что его отец был в селе рыбаком.

Несколько особняком стоят свидетельства казаков. От Оренбургского казачьего войска на фронт было отправлено около 40 тысяч чел. В 1918 г. красными были начаты жесткие карательные действия против казаков, обострившие военное противостояние в крае. Объявление кого-либо «казак» превращалось в обвинение. Все же некоторая часть казаков-фронтовиков в итоге перешла на сторону советской власти. По понятным причинам те немногие фронтовики казачьего происхождения, которые дожили до сбора мемуаров в 1957 году (10 чел.), были очень осмотрительны в своих повествованиях, принадлежность к казачеству старались не акцентировать. Так, например, из воспоминаний И.С. Еюкина практически невозможно понять, что он был казаком, поскольку писал о себе как о крестьянине-бедняке, если бы не один нюанс – он упоминал, что служил в Оренбургском казачьем полку [24, л. 20-27]. Сходным образом Ф. И. Усков называл себя сыном рабочего, но затем упоминал, что в 1915-1916 гг. служил в запасном полку Астраханского казачьего войска [34, л. 5.]. Или: Ф. Г. Губанов сообщал о своем призыве 1.1.1913 г. и сразу переходил к своему пребыванию в рядах Красной армии [24, л. 95-96 об.]. Авторы-казаки также подчеркивали свое бедняцкое происхождение.

Семейные и бытовые тяготы имели следствием раннее привлечение к труду. Большинство мемуаристов упоминали о своей работе по найму с 7-8-9 лет (двое – с шести лет). Отсюда - неквалифицированный труд, низкая зарплата, отсутствие профессионального опыта, разные сменяющие друг друга виды деятельности: батрак, стрелочник, подсобный рабочий кухни в чайной, ремонтный рабочий железнодорожных путей (И. Я. Кулагин); землекоп, ямщик, возчик, каменщик (И. Н. Гоголюк); батрак, в булочной, кочегар (С. С. Барышев); слесарь, библиотекарь (Т. С. Герасимов); ветеринар, стражник, мальчик в магазине

¹ Н. Г. Тетенин жаловался на грубое обращение с ним фельдфебеля. Суть конфликта: последний отдал приказ, на что рассказчик ему ответил: «вот попьем чайку, согреемся и сделаем», за что и был наказан. [32, л. 13.].

(П. В. Кузнецов); ученик наборщика, ученик продавца плотник по денно, столяр по денно (Д. М. Хвалев); на бойне, телеграфе, литографе (Е. Е. Легостаев).

Теперь о призыве в армию. Здесь возникает первое расхождение в судьбе одногодков: призванные и не подлежащие призыву. Среди первых есть призванные после начала войны, и призванные ранее, еще в мирное время, на срочную службу. Согласно материалам призыва были: в 1911 г. – 8 чел., 1912 г. – 15 чел., 1913 г. – 10 чел., 1914 г. – 72, 1915 г. – 89 чел., 1916 г. – 51 чел., в 1917 г. – 33 чел.¹ Не указали времени своего призыва 150 авторов.

Есть небольшое количество добровольцев – их четверо. И. А. Милованов (1900 г.р.), работавший в столярной мастерской отца, в возрасте 16 лет бежал на фронт². С. Д. Блудов, ранее работавший на Новоорской железной дороге, в возрасте 19 лет 7.02.1917 г. ушел добровольцем³. Мотивы решения не отмечены. Только третий – Ф. С. Султанов – объяснял свой выбор дальнейшими планами: пойти охотником на военную службу, «прослужить полтора года и пойти учиться» [50, л. 14]⁴.

Относительно тех, кто не был призван с нужным возрастом. Сюда можно отнести работавших как бы по «брони» – хотя нам не знаком ни один нормативный документ, определявший бы категории лиц, освобождаемых от призыва. Отталкиваясь от фактов, можно определить следующие: работающие на железной дороге, в паровозосборочном цехе, машинист, работающие в депо, стрелочники, рабочие железнодорожных путей, на строительстве дороги⁵. Кроме того: бурильщик на нефтепромыслах Нобеля в Баку; работающие на оборонных предприятиях (уволенный с оборонного завода сразу призывался). В то же время, наблюдались и исключения – работавший в 1908-1914 гг. в железнодорожных мастерских Г. П. Хорохорин был в 1914 г. призван⁶. Не подлежали призыву учителя, но в 1916 г. их стали призывать – М. А. Шалин упоминал о досрочной мобилизации в мае 1916 г. [3, л. 3]. Практически все пятеро мемуаристов-учителей были направлены на обучение в военные училища. Н. Л. Масютин уточнял, что в 1917 г. учителей стали раньше многих отпускать в отпуск, а потом приказом Главковерха Н. Дыбенко их стали демобилизовывать в первую очередь [40, л. 24].

Для полноты картины отметим несколько человек, ранее осужденных за политические преступления, и потому не призываемых. В то же время, М. М. Краснощеков, судимый и сосланный за участие в первой революции, был призван в августе 1916 г. – «стали призывать ссыльных» [2, л.2].

Собственно о пребывании на фронте почти никто ничего не сообщал⁷ – за исключением дежурных фраз о трудностях и своем революционизировании: «Наша ненависть, воспитанная жизнью к старому буржуазному строю и глубоко проникшее в нас революционное настроение в армии сразу же преопределило нашу позицию» (И. В. Березовский) [2, л. 3 об.].

¹ Последним, призванным в 1917 г., был Ф. А. Предко – в декабре. Но он на фронт не уехал, т.к. «фронт был распущен» [8, л. 1.]

² Прошел обучение в Оранниенбаумской пулеметной школе. [45, л. 114.]

³ Служить был оставлен в Оренбурге [47, л. 8.]

⁴ Ушел добровольцем в 1913 г. Служил в лейб-гвардии конно-драгунском полку в Петергофе, затем на румынской фронте. Это согласно автобиографии 1965 г. В другой автобиографии, 1928 г., он писал, что «в 1914 году был ошибочно взят на военную службу (я должен был призываться в 1916 году)» [50, л. 20.].

⁵ С другой стороны, работавший на строительстве Оренбургской железной дороги И. А. Кривцов был в сентября 1915 г. призван и до конца войны служил в автомобильной части в Петрограде [48, л. 17.].

⁶ Исключительно на уровне предположения – в литературе и воспоминаниях встречались намеки на призыв в 1914 г. отдельных лиц, неугодных администрации.

⁷ В качестве примера: С.В. Рогожкин был призван в 1911 г. В воспоминаниях он больше всего рассказывал о своей работе в советский период: до 1930-х годов в сельсовете, счетоводом, зав. складом, мастером по переработке. И только в конце биографии упоминал, что является полным георгиевским кавалером [28, л. 9.].

Только один И. Ф. Логинов откровенно заявлял о своем стремлении продвинуться по службе [49, л. 5]¹.

Некоторая часть оренбургских призванных – около полутора десятка человек – отслужила все военные годы в тылу. География различна: Термез, Самарканд, Ташкент, Порт-Перовский, Асхабад, Казалинск, Верный, Владивосток, Орск, Самара, Харбин, Сарапул, Тамбовская губ.

Некоторое количество призывников попало на флот. Сколько их было призвано – данных нет. В нашем распоряжении тексты только 9 авторов. На деле, моряков было немало. П. К. Гордеев, рассказывавший о своем возвращении домой, упоминал, что в Самаре, рядом с их эшелонами, стояли три эшелона с матросами Черноморского флота, возвращавшимися домой, на Оренбург [6, л. 6].

И еще одна особая группа – это военнопленные. Они есть только в группе «Б». Пребывание в плену: с 1914 по 1918 гг. трое, 1914-1919 гг. – двое, 1915-1918 гг. – 4 чел., 1915-1921 гг. – трое, и по одному в 1916-1918 гг., 1917-1919 гг., 1918-1919 гг. А. Сумпф со ссылкой на работу Н. Жданова 1920 г. [18] утверждал, что российские военнопленные вернулись после Брестского мира двумя волнами: март-апрель и ноябрь-декабрь 1918 г. [58, л. 503]. По нашим данным, 8 чел. вернулись в 1918 г., трое – в 1919-м, 4 чел. в 1921 г.² Самый первый в мае 1918 г., последний – в феврале 1921 г.³

Большинство просто сообщало о пребывании в плену и последующем возвращении. Среди вариантов – возвращение в декабре 1918 г. по обмену, побег из плена в июне 1918 г. и попадание домой в октябре, уход домой в декабре 1918 г., в условиях начавшейся революции в Германии. Несколько необычна судьба С.С. Усачева, попавшего в плен в феврале 1918 г., когда немцы, прервав переговоры в Брест-Литовске, перешли в наступление. Возвращен был на родину после заключения мира с Германией [37, л.5].

И, вероятно, самый важный момент – возвращение с фронта. С. Н. Базанов выделял два этапа демобилизации действующей армии: 1) неорганизованной самочинной демобилизации, проводимой местными солдатскими комитетами (ноябрь-декабрь 1917 г.); 2) организованной демобилизации по срокам призыва, руководимый Советским правительством (январь-апрель 1918 г.) [12, с. 180]. При этом он особо подчеркивал заслуги советского правительства, якобы осуществившего все «планово». Судя по всему, термин «неорганизованная самочинная демобилизация» придумал сам автор⁴. Есть еще одно определение – «стихийная демобилизация» – от названия картины художника Георгия Савицкого «Стихийная демобилизация царской армии в 1917 г.» -, написанной в 1928 г. Вообще термин «демобилизация» имеет четкое определение: «перевод вооружённых сил и народного хозяйства страны с военного положения на мирное» [56, с. 84.]. Этот процесс перевода включает в себя ряд мероприятий. Элегантный эвфемизм «неорганизованная самочинная» скрывает менее привлекательное понятие – дезертирство⁵. С. Н. Базанов завершает демобилизацию апрелем 1918 г. Обратимся к рассматриваемым источникам. По группе «А»: в 1916 году – 6 чел., 1917 г. - 79 (февраль – 4, март -3, май- 2, август – 3, осень – 9, ноябрь-декабрь – 30); 1918 г. – 38 чел., не указали – 42 чел. По группе «Б»: в 1917 году – 58 (январь -1, март -1, апрель – 2, весна -1, июль 2- , август -1, сент. - 3, октябрь - 8, «после октябрьской рево-

¹ Происхождением из бедной крестьянской семьи, он окончил в Оренбурге железнодорожное училище, служил в управлении Ташкентской ж.д. В армии окончил школу прапорщиков. Войну завершил штабс-капитаном.

² Двое не указали, когда и откуда они вернулись из плена.

³ П. П. Улищев попал в плен под Новогеоргиевском в июле 1915 г.; попытка побега, два месяца заключения и лагерь штрафников: «Поэтому не смог уехать с первыми партиями военнопленных, затем наехали агенты белых производить вербовку». Домой возвратился в феврале 1921 г. [34, л. 4.]

⁴ Поисковик Интернета выводит на его статьи.

⁵ «Дезертир – самовольно покинувший свою часть с целью освободиться от военной службы». [14, с. 20.]

люции» – 2, ноябрь – 6, декабрь – 21; просто в 1917 г. – 10 чел.). В 1918 г. 38 чел. (просто в этом году – 12 чел., в январе – 10, феврале – 7, марте – 3, мае – 2, октябре – 1, ноябре – 1, декабре – 2). В 1919 г. – 9 чел. (из них в первой половине года – 7). Итого в 1917 году – 137 чел., 1918-м – 118 чел., 1919 г. – 9 чел.

Анализ текстов позволяет определить следующие варианты причин возвращения домой. Прежде всего – не по инициативе рассказчика; он только исполняет приказ. Сюда относится отпуски по ранению и болезни – на излечение, а затем отпуск по состоянию здоровья. Судя по источникам, в 1916 г. имели место случаи, когда после госпиталя солдата отправляли домой, для окончательного излечения, после чего он возвращался на службу, как правило, в запасные части (3 чел.). После Февраля из полутора десятков отправленных домой по этой причине, на службу вернулся только один: «Февральские дни 1917 года застали меня в госпитале, где я находился по случаю заболевания тифом. По выздоровлению получил трехмесячный отпуск и уехал домой в с. Петропавловку... Меня после отдыха зачислили в 170-й запасной полк, что размещался в г. Бузулуке, в учебную команду»¹. Сходно у И. Т. Заплатина: ««вскоре я заболел, обморозил левую ногу в ботинке и через госпиталь был отпущен на поправку на три месяца домой»². Но отпуск по болезни активно использовался для окончательного возвращения³. Болезнь, казалось бы исключавшая военную службу, не мешала быстро определиться в мирной жизни. Показательно, что почти никто из «болевших» не называет, чем именно он был болен; исключений крайне мало – обморожение ноги и два случая тифа; во всех прочих – обтекаемые объяснения типа «я тяжело заболел и меня отпустили»⁴. По прибытии домой болезнь «исчезала»: «был отпущен по болезни, но вскоре вступил в Красную гвардию»⁵, «я заболел и прибыл в Оренбург ... Тут же по прибытию, я вступил в ряды Красной Гвардии» [43, л.12-13]; «Я лег в лазарет, пролежал там месяц, после этого комиссия меня назначила на месяц на поправку домой, в город Оренбург. Прибыл в Оренбург, ... поступил в главные Оренбургские мастерские»⁶; И.А. Сорокин прибыл на лечение в июле 1917 г. и сразу устроился на рудник [31, л.5.]; «в декабре месяце 1917 года, по состоянию здоровья, отпущен в отпуск. Прибыл я домой в село Пронькино ... принялся за организацию бедняцкого и батрацкого населения»⁷; «осенью по болезни был отпущен и прибыл в Оренбург. В поисках работы я уехал на ст. Бляево»⁸; «при оставлении фронта в 1917 году он по болезни вернулся домой; ... поступил работать в паровозное депо рассыльным»⁹ [4];

Когда мемуаристы сообщали о получении отпусков, они, в основном обходили важный момент – кто именно давал подобные разрешения. В источниках мы встречаем следующие варианты: решения полковых комитетов, а также комитетов других уровней¹⁰; инициатива солдат - мемуарист, находившийся на турецком фронте в сентябре 1917 г. был отправлен домой солдатами: «солдаты хотят больше узнать о большевиках и вот меня солдаты отправляют в сентябре месяце в отпуск. Мне было дано задание привезти большевистскую литературу, узнать настроение народа»¹¹; в пятой кав. дивизии на германском фронте после замены командования начальником штаба дивизии стал старший писарь дивизии, начавший систематически освобождать солдат¹²; встречается формулировка «демобилизован в бес-

¹ Слащинин И. [43, л. 71-84.]

² Заплатин И. Т. [26, с. 37-52.]

³ Из всех только два человека были «по чистой отставке» и «в бессрочный отпуск».

⁴ Чекурин, Л. Ф. В степях Оренбургских // Советская степь (Кваркенский район) 1957. 13 октября.

⁵ А. П. Кейлик [2, л. 2.]

⁶ Г. П. Хорохорин [44, л. 14-21.]

⁷ Веретников П. И. [45, л. 90-93.]

⁸ Татаркин И. Н. [23, л. 24-25.]

⁹ Гирин А. С. [43, л. 10-11.] Написано о себе в третьем лице.

¹⁰ Отмечены два случая, когда члены комитетов оформляли себе отпуска сами.

¹¹ Завалишин Н. П. [42, л. 79.] Он вернулся на фронт с литературой.

¹² Савельев А. Я. [43, л. 60.]

срочный отпуск» [33, л. 4]. Есть и путанные объяснения - И. С. Солдаткин: «я был отпущен на распоряжение военкомата, военкомат отпустил до особого распоряжения» [30, л. 4 об.]. Достаточно показательное следующее свидетельство: «Но поскольку была объявлена, хотя небольшая свобода, тем более свобода говорить, а свободу действовать это мы сами стали брать...»¹.

Другой вариант – также не инициативный, но под воздействием внешних факторов: разоружение солдат грузинскими меньшевиками «по дороге из Батуми в Туапсе» [42, л. 79]; разоружение немцами: «Спустя два дня немцы предприняли наступление. Наш полк был достигнут войсками неприятеля у Двинска. Все мы были разоружены и отпущены на все четыре стороны»²; разоружение гайдамаками: «Офицеры нас покинули, ушли к гайдамакам, остались с нами только младший комсостав, среди солдат дисциплина окончательно нарушена, нас здесь оренбургских солдат 13 человек, договорились бежать домой... в декабре месяце 1918 г. уезжаем, не доехав один пролет до города Ровно, нас встречает гайдамакская рота солдат, с ними наш бывший офицер Одарченко, предлагают нам сдать оружие но мы отказываемся, тогда они начали отнимать силой» [6, л. 4]; уход с территории Румынии: «В Румынии мы задержались до конца декабря 1917 года. Солдатам надоело бесцельное пребывание на чужбине. ... Но выехать из Румынии было трудно... Большевикам было предложено любыми способами добираться до России, где пешком, где поездом, где вступая в мелкие стычки с неприятелем на станциях, где обходя их, пробирались мы на родину. Многие, конечно, погибли в лапах красновских офицеров и румын»³.

Третий вариант – инициативный, но под воздействием внешних обстоятельств. А. М. Даутов писал: «Октябрьская революция застала нас в окопах, после братания с немцами через них получили информацию о внутренних событиях в России и готовились к выезду в Россию, когда началось самоопределение народов на самостоятельную республику, тогда на фронте началось формирование национальной части... Создали мусульманский батальон 1000 штыков, с 10 пулеметами, башкир, татар и мещеряков вывели с фронта до Пензы и расформировали. Старших по возрасту распустили по домам, а молодых к формируемой Красной Армии» [2, л. 14.].

И, наконец, самовольные действия: «мы не пошли за Керенским и уехали в г. Стерлитамак», «после братания с Германскими солдатами в октябре 1917 года разъехались по домам». Ф. И. Усков в 1917 г. был членом полкового комитета, в сентябре самовольно уехал домой. В ноябре 1917 г. по его словам, «казачьей секцией Царицинского губревкома был демобилизован и направлен на свою старую работу в депо» [36, л. 5 об.].

Стоит указать, что оценки своих действий и мотивов таковых могли меняться и менялись в зависимости от современных реалий. Это хорошо видно на примере Ф. Султанова. В биографии середины 1920-х гг. он писал, что «после октябрьской революции приехал домой в отпуск, где и остался до роспуска старой армии». В автобиографии декабря 1928 г.: «после Октябрьской революции я самовольно ушел из полка и приехал домой в 1917 году, в декабре месяце». В автобиографии 1965 г.: «в январе 1918 г. демобилизовался и приехал домой» [50, л. 1, 14].

Нам интересны не столько способы возвращения с фронта, сколько взгляды на это самих фронтовиков. Понимание ими того, что сделано и отношения к этому их самих и окружающих. Согласно ст. 136 Воинского устава о наказаниях [Спб. 1868 г.] «за побег во время войны в районе военных действий в первый раз назначались наказания не выше 5 лет в исправительных арестантских отделениях, во второй раз - каторга до 20 лет, а в третий раз - смертная казнь». Мы убеждены, что все военнослужащие были знакомы с «Воинским уста-

¹ Сучков С. Д. [27, л. 16.]

² Небайкин, А. Из воспоминаний очевидца // Коллективная мысль (Люксембургский район). 1957. 6 октября.

³ Г. С. Конарев [1, л. 86.]. Речь идет о генерале Краснове.

вом», и потому каждый «уходивший» не мог не понимать возможных плачевных последствий: уголовная норма установлена государством – нарушение нормы – наказание. Достаточно изъять из логической цепочки исходное звено – поставить под сомнение легитимность власти, издавшей норму, как исчезает угроза третьего элемента. Однако, возникает резонный вопрос: действительно ли солдаты на фронте после Февраля стали воспринимать Временное правительство как нечто незаконное, и уж точно не как легитимную власть? Советская историографическая традиция в этом была убеждена. Как уже отмечалось, в советской историографии дезертирство оценивалось дифференцированно: как нечто положительное – из царской армии до октября, и как воинское преступление – после Октября.

В казачьей среде возвращение с войны воспринималось однозначно. Так, Д. Я. Лемясов писал: «В конце 1917 и начале 1918 гг., как известно, в станицах и поселках было уже много казаков, вернувшихся с фронта по разным причинам: одни по ранению или болезни, а другие просто самовольно бросив оружие, ушли с фронта вообще ввиду разложения царской армии. Но придя в родной дом, положение этого казака не улучшалось. Большая часть стариков и тех, кто не был на фронте, не давали житья казакам, вернувшимся с фронтов. Их называли предателями царя, отечества и больше всего предателями казачества. На этой почве происходили повсюду недоразумения. Старики вместе с атаманами, кулаками и священнослужителями, не доверяли им, считая их изменниками. Эта нетерпимая обстановка вынуждала некоторых казаков-фронтовиков покинуть родные станицы и поселки и обитать на полулегальном положении, укрываясь от стариков в станицах» [37, л. 294-295].

Специально никто из авторов свои действия не объяснял, но по косвенным признакам можно получить некоторые представления. Обратим внимание на формулировки в источниках, где авторы сообщают о своем возвращении с фронта. В одном случае инициатива принадлежала рассказчику: «решили по домам», «вернулся», «ушел», «возвратился домой», «приехал в отпуск», «демобилизировался», «демобилизуюсь», «В 1917 году после демобилизации пришел домой, как надоело быть у царской армии». Другой вариант – решение принималось другими: «демобилизован», «уволен в запас», «отчислен из армии», «были возвращены из армии», Предоставление отпуска по здоровью и просто отпуска было своеобразной легитимацией содеянного, выводило из-под определения «дезертир». Однако, последующее сообщение о том, что прибыв на родину, мемуарист сразу устроился на работу – это тоже дезертирство. Показательно, что некоторые авторы прибегали к нарочитой неопределенности: «по возвращении», «придя домой» и т.п.

Налицо различное ощущение легитимированности действий. Попытка закрепиться в тылу сочеталась с определенным страхом перед возмездием. Одной из «законных» лазеек стало привлечение фронтовиков на службу в милицию. Можно предположить, что своеобразный надлом в сознании произошел летом 1917 года. До этого времени фронтовики законопослушны. В качестве примера, свидетельство Г. В. Савельева, весной 1917 г. отпущенного в отпуск домой; по окончании отпуска он вернулся к месту службы. В октябре 1917 г. он вновь получает отпуск домой, уже по ранению – и теперь остается дома¹. Если говорить о человеческих качествах тех, кто возвращался в первой половине года, то это, несомненно, были люди решительные, с авантюрной жилкой. Вероятно, поэтому летом отмечены случаи участия отпускных в погромах. Своеобразный прорыв произошел в октябре – когда с фронтов люди пошли потоком.

Информации о том, каковы были желания и намерения фронтовиков, источники не дают. Утверждения советских авторов, что солдаты, будучи крестьянами в шинелях, торопились к переделу земли в рамках Декрета о земле, более построены на логических рассуждениях (возможны единичные примеры из мемуаров). В нашем случае о декрете упоминал только один автор, Конарев Г. С., служивший в Румынии, что в конце декабря 1917 г. по-

¹ Завалишин Н. П. [29, л. 4.]

шли слухи, что в России делят помещичью землю, но кто не будет дома, ее не получит. Это еще больше взбудоражило солдат, они стали самовольно уходить с фронта» [1, л. 88]. Применительно к рассматриваемому региону не отмечено ни одного заявления или даже намека. Проблема для Южного Урала неактуальна – много земли, мало помещичьих владений.

Определенную информацию может дать анализ конкретных действий возвращающихся фронтовиков. Но при этом важно учитывать специфику региона. Сюда можно отнести два важных момента. Прежде всего – обостренное противостояние «рабочей» власти и «казачьей». А также то, что регион был связан с центральной Россией через единственную железную дорогу Москва-Самара-Оренбург-Ташкент. От Самары до Оренбурга было однопутное полотно, и кто его контролировал, тот контролировал поток возвращающихся с фронта. Державшие в конце 1917 г. – начале 1918 г. дорогу «красные» фильтровали возвращающихся (отмечены расстрелы офицеров), вербовали к себе сторонников, и, главное, разоружали фронтовиков. По свидетельству П. Н. Уварова: «К эшелону подошли несколько парламентариев. Недолго длились беспорядочные переговоры, т.к. приезжие требовали пропустить поезд в Оренбург, а заградительный отряд Красной Гвардии требовал сдать все оружие, которое найдется в поезде у солдат. Дело кончилось тем, что по поезду было произведено несколько залпов, пассажиры были загнаны в вагоны, и был произведен тщательный обыск провозимого багажа. Обнаруженное у солдат огнестрельное и холодное оружие было изъято, и после чего наш поезд через 30-40 минут остановился на перроне ст. Оренбург. В Оренбурге в это время существовала советская власть» [9, л. 5.].

Какой выбор делали возвращающиеся с войны фронтовики? С. Н. Базанов заключал, что «совершенно очевидно, что миллионные массы фронтовиков, оставленных без средств к существованию и долгое время считавших винтовку чуть ли не единственным средством обеспечения себя и своей семьи, как раз и явились тем «горючим материалом», который длительное время питал полыхавший по городам и весям факел гражданской войны» [11, с. 37.]. Позволим себе сомнение, относительности того, что это «совершенно очевидно». Очевидным является то, что фронтовики вне событий гражданской войны остаться не могли и не остались; очевидно, что они были в армиях обеих противоборствующих сторон, Но сомнительно, что миллионы оставшихся «без средств к существованию» не увидели для себя иного выхода, кроме военного насилия. Разумеется, какая-то часть сделала такой выбор. Отдельные мемуаристы сообщали, что по возвращении они сразу или почти сразу пошли в Красную Гвардию. По понятным мотивам это выдавалось за революционность. Следует учитывать заданность мемуаров; цель повествования – о своем участии в гражданской войне. Отсюда достаточно логично, что рассказчик вернулся и сразу окунулся в борьбу: «В декабре 1917 года возвращаясь с фронта первой мировой войны я твердо решил вступить в красногвардейский отряд, чтобы отстоять завоевания Великой Октябрьской Социалистической революции»¹. Разумеется, мы допускаем наличие подобных идейных борцов, но выражаем сомнение в массовости. Анализ биографических данных показывает, что это были исключительно те, кто был до призыва батраком или занимался неквалифицированным трудом. Им нужно было на что-то жить. Это потом была создана легенда о Красной гвардии, как опоре большевистской партии; заявление мемуариста себя красногвардейцем гарантировало увеличение «революционного» стажа с последующими материальными благами. Красная гвардия была прежде всего военизированным отрядом, где за службу платили жалование. Об этом не писали, но Е. П. Белова-Грызлова вспоминала, как в апреле 1918 г. было решено создать в селе Петровском Красную гвардию. В нее записалось 75 чел. Общим сходом было решено оплачивать по 5 руб. в месяц со двора» [38, л. 4].

Некоторая часть городских, с определенными навыками и профессиональной подготовкой предпочли найти работу, но столкнулись с трудностями. В городе при «казачьей» вла-

¹ Испанюк Ф. В. [41, л. 11.]

сти рабочим было плохо; советская власть продержалась в Оренбурге с января 1918 г. по июнь, после чего город был оставлен и часть работающих предпочла покинуть город с отступающими красными. Собственно, это вторая группа фронтовиков, вынужденно втянутых в вооруженное противостояние обстоятельствами.

Третья группа – крестьяне, вернувшиеся в свое хозяйство (хозяйство отца, брата) и занявшиеся сельским трудом. Практически все мемуаристы группы «Б» принадлежали к этой категории. Часть крестьян также оказалась втянута помимо своей воли в гражданскую войну: председатели сельсоветов, работники волкомов, вынужденно уходили из своих сел, когда туда приближались казаки, и уходили они к красным. Кроме того, обе стороны прибегали к мобилизациям: основной призыв пришелся на апрель-июль 1918 г. – здесь и в красную армию, и в белую. Еще одна мобилизация в красную армию была в декабре 1918 г. – готовились к последнему штурму Оренбурга, занятому в итоге в январе 1919 г. Затем мобилизация лета 1919 г. Все авторы группы «Б» были мобилизованы в 1918-1919 гг., среди них нет ни одного добровольца¹. Но именно эти люди состояли в номенклатуре обкома партии в 1930-е гг.

4. Заключение

На основе имеющихся источников личного происхождения можно констатировать, что фронтовики первой мировой войны действительно являются поколением (суб-поколением «поколения революционного перелома») с особой судьбой и особым, только ими полученным социальным опытом. Определяющим в их представлениях было все-таки не участие в гражданской войне (как и в любой иной войне) и борьба за светлое будущее, но тяга к мирной жизни, желание как-то компенсировать потерянные годы; не случайно двое авторов особо подчеркивали, что почти сразу по возвращении женились. Полученный ими социальный опыт участия в мировой войне в дальнейшей жизни был малоприменим; в своеобразный зачет шло только участие в войне гражданской, и именно на «красной» стороне. Полученная частью фронтовиков профессиональная подготовка (автомобильные войска, фельдшера и т.п.) способствовали определенному продвижению по социальной лестнице, но в целом абсолютное большинство не было востребовано новой властью, мало для кого сработал социальный лифт. Для этого нужно было не только участие в гражданской войне и членство в партии, но обязательная причастность к особым структурам – ЧК и ЧОН. Коммунистическая власть делала ставку на следующее за фронтовиками суб-поколение – поколение первых комсомольцев.

Список источников и литературы

1. Архив Бузулукского краеведческого музея. Т.2.
2. Архив Орского краеведческого музея (АОКМ). Д. 1/49.
3. АОКМ. Д. 3/40.
4. АОКМ. Д. 3/41.
5. АОКМ. Д. 3/49.
6. АОКМ. Д. 10/31.
7. АОКМ. Д. 13/51.
8. АОКМ. Д. 24/9.
9. АОКМ. Д. 99/31.
10. АОКМ. Д. 101/31.
11. Базанов, С. Н. (1998). *Демобилизация русской армии* // Военно-исторический журнал. № 2. С. 27-37.

¹ Есть несколько примеров, когда людей мобилизовывали в белую армию, но они скрывались и потом приходили к красным. Есть несколько случаев, когда до полугода служили в белой армии, а потом переходили к красным.

12. Базанов, С. Н. (2002). *Борьба за русскую армию в послеоктябрьский период* // Труды Института российской истории РАН. 1999-2000. Вып. 3. С. 157-185.
13. Безгин, В. Б., Якимов, К. Я. (2002). *Социально-демографический портрет политкаторжан поколения «революционного перелома»* // Вестник архивиста. № 4. С. 1235-1247.
14. *Военная энциклопедия*. (1912). Т.IX. СПб.: Т-во И.Д. Сытина. 322 с.
15. Вязинкин, А. Ю. (2022). *Поколение "революционного перелома" в судьбе русской деревни первой трети XX в.: проблемы историографии* // Вопросы истории. № 7 (2). С. 153-165.
16. Вязинкин, А. Ю., Якимов, К. Я. (2022). *Крестьянский традиционализм в годы "революционного перелома"* // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 27. № 5. С. 1296-1303.
17. Грибков, И. В. (2014). *Фронтовики на историческом переломе 1917-1918 гг. в условиях провинции (Дмитровский уезд Московской губернии)*. // От «германской» к гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. М.: «АИРО-XXI». С. 503-508.
18. Жданов, Н. М. (1920). *Русские военнопленные в мировой войне 1914-1918 гг.* М.: [б.и.].376 с.
19. Заяц, Н. А. (2014). *«Союзы фронтовиков» в 1917-1918 гг. и их роль в революции и гражданской войне*. // От «германской» к гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. М: АИРО-XXI. С. 509-547.
20. Кистанов, С. В. (2018). *Для них армия стала революционной школой* // Научное обозрение: электрон. журн. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dlya-nih-armiya-stala-revoljutsionnoy-shkoloy> (дата обращения 1.08.2023)
21. Коновалов, В. С. (2007). *Крестьянство России в годы войны и революции (обзор)*. // 1917 год. Россия революционная. Сборник обзоров и рефератов. Сер. "История России". М.: Центр социальных науч.-информ. исслед. Отдел отеч. и заруб. Истории. С. 112-161.
22. *Лидеры Оренбуржья советской эпохи. Биографический справочник*. (2019). Самара: ООО «Слово», 2019. 344 с.
23. Научный архив Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея (НА ОГИКМ). Ф. 2554. Оп. 1. Д. 956.
24. НА ОГИКМ. Ф. 2554. Оп.1. Д. 958.
25. НА ОГИКМ. Ф.2554. Оп.1. Д. 969.
26. НА ОГИКМ. Ф. 2554. Оп. 1н. Д. 996.
27. НА ОГИКМ. Ф. 2554. Оп.1. Д. 1003.
28. НА ОГИКМ. Ф. 2554. Оп. 1. Д.1009.
29. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 371. Оп. 28. Д. 436.
30. ОГАОО. Ф. 371. Оп.28. Д. 1254.
31. ОГАОО. Ф. 371. Оп.28. Д. 1333.
32. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 1796.
33. ОГАОО. Ф. 371. Оп. 28. Д. 2064.
34. ОГАОО. Ф. 371. Оп.28. Д. 2205.
35. ОГАОО. Ф.371. Оп.28. Д. 2248.
36. ОГАОО. Ф. 371. Оп.28. Д. 2255.
37. ОГАОО. Ф. 2554. Оп.1. Д. 958.
38. ОГАОО. Ф. 2554. Оп.1. Д. 1031.
39. ОГАОО. Ф. 2837. Оп.1. Д. 65.
40. ОГАОО. Ф. 2857. Оп.1. Д. 167.
41. ОГАОО. Ф. 2900. Оп.1. Д. 167.

42. ОГАОО. Ф. 2900. Оп.1. Д. 168.
43. ОГАОО. Ф. 2900. Оп. 1. Д. 169.
44. ОГАОО. Ф.2900. Оп.1. Д.170.
45. ОГАОО. Ф. 2900. Оп. 1. Д. 172.
46. ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 76.
47. ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 93.
48. ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д.223.
49. ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 240.
50. ОГАОО. Ф. 6002. Оп.1. Д. 305.
51. ОГАОО. Ф. 6002. Оп. 1. Д. 363.
52. Посадский, А. В. (2014). *Солдат в тыловой губернии в 1917-19181 гг. (на материалах Саратовской губернии)*. // От «германской» к гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. М.: «АИРО-XXI». С. 548-570.
53. Сафонов, Д. А. (2014). *«Фронтвики» как социальное явление в 1917-1918 гг.* // От «германской» к гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. М.: «АИРО-XXI», С. 480-502.
54. Сафонов, Д. А. (2021). *Эпоха революционных перемен первой четверти XX века в воспоминаниях современников: оренбургские источники: монография*. Оренбург: ОГУ. 311 с.
55. Слезин, А. А. (2022). *Сельская молодежь первой трети XX в. и ее влияние на социум в оценках современных исследователей* // Вопросы истории. № 8-2. С. 106-128.
56. *Словарь военных терминов*. сост. А. М. Плехов, С. Г. Шапкин. М.: Воениздат, 1988. 335 с.
57. Смирнов, А. С. (1976). *Большевики и крестьянство в Октябрьской революции*. М.: Политиздат, 1976. 232 с.
58. Сумпф, А. (2012). *Политическая мобилизация и военная демобилизация ветеранов как общественный и личный опыт великой войны в России, 1914-1921 гг.* // Человек и личность в истории России, конец XIX — XX век: Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 года). СПб.: Нестор-История. С. 493-510.
59. Шанин, Т. (2005). *История поколений и поколенческая история* // Человек. Сообщество. Управление. № 3. С. 6-25.
60. Neil H., Strauss W. (1991). *Generations: the history of America's Future. 1584 to 2069*. New York: Quill, 600 p.
61. Wohl R. (1979). *The Generation of 1914*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 307 p.

References

1. Arkhiv Buzulukskogo kraevedcheskogo muzeya [Archive of the Buzuluk Museum of Local Lore] (ABKM). v. 2.
2. ABKM. T.2. Л. 88. ABKM. v. 2.
3. Arkhiv Orskogo kraevedcheskogo muzeya [Archive of the Orsk Museum of Local Lore] (АОКМ), d. 1/49.
4. АОКМ. d 3/40.
5. АОКМ. d. 3/41.
6. АОКМ. d. 3/49. №25.
7. АОКМ. d. 10/31.
8. АОКМ. d. 13/51.
9. АОКМ. d. 24/49.
10. АОКМ. d.99/31.
11. АОКМ. d.101/31.

12. Bazanov, S. N. (1998). *Demobilizatsiya russkoi armii*. [Demobilization of the Russian army] In *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 27-37. (in Russian).
13. Bazanov, S. N. (2002). *Bor'ba za russkuyu armiyu v posleoktyabr'skii period* [The struggle for the Russian army in the post-October period.] In *Trudy Instituta rossiiskoi istorii RAN*. 3. 2002. 157-185. (in Russian).
14. Bezgin, V. B., Yakimov, K. Ya. (2022). *Sotsial'no-demograficheskii portret politkatorzhan pokoleniya «revolyutsionnogo pereloma»* [Socio-Demographic Portrait of Political Prisoners of the “Revolutionary Turning Point” Generation.] In *Vestnik arkhivista*, 4, 1235-1247. (In Russian)
15. *Voennaya entsiklopediya* (1912). [Military encyclopedia]. T.IX. Petersburg: publishing house T-va I.D. Sytina. 322. (In Russian)
16. Viazinkin, A. Y. (2022). *Pokoleniye "revolyutsionnogo pereloma" v sudbe russkoy derevni pervoy treti XX v.: problemy istoriografii* [Generation of “revolutionary turning point” in the fate of the Russian village of the first third of the XX century: problems of historiography.]. In *Voprosy istorii*. 7-2. 153-165. (in Russian).
17. Viazinkin, A. Y., Yakimov, K. A. (2022). *Krest'yanskiy traditsionalizm v gody «revolyutsionnogo pereloma»* [Peasant traditionalism during the era of the “revolutionary turning point”.] In *Vestnik Tambovskogo universiteta*. 27. 5. 1296-1303. (in Russian).
18. Gribkov, I. V. (2014). *Frontoviki na istoricheskom perelome 1917-1918 gg. v usloviyakh provintsii (Dmitrovskii uezd Moskovskoi gubernii)* [Front-line soldiers at the historical turning point of 1917-1918. in provincial conditions (Dmitrovsky district, Moscow province) In *Ot «germanskoi» k grazhdanskoi: stanovlenie korpusa narodnykh vozhakov russkoi smuty*. Moscow: «AIRO-XXI». 503-508. (in Russian).
19. Zhdanov, N. M. (1920). *Russkie voennoplennye v mirovoi voine 1914-1918 gg.* [Russian prisoners of war in the world war 1914-1918.] Moscow. (in Russian).
20. Zayats, N. A. (2014). *«Soyuzы frontovikov» v 1917-1918 gg. i ikh rol' v revolyutsii i grazhdanskoi voine*. [“Unions of front-line soldiers” in 1917-1918. and their role in the revolution and civil war.] In *Ot «germanskoi» k grazhdanskoi: stanovlenie korpusa narodnykh vozhakov russkoi smuty*. Moscow: «AIRO-XXI». 509-547. (in Russian).
21. Kistanov, S. V. (2018). *Dlya nih armiya stala revolyutsionnoi shkoloй* [Elektronnyi resurs] [For them, the army has become a revolutionary school [Electronic resource.]] / In *Nauchnoe obozrenie: elektron. Zhurn.* 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dlya-nih-armiya-stala-revolutsionnoy-shkoloy> (1.08.2023) (in Russian).
22. Konovalov, V. S. (2007). *Krest'yanstvo Rossii v gody voiny i revolyutsii (obzor)*. [Peasantry of Russia during the years of war and revolution (review). In Russ.] In *1917 god. Rossiya revolyutsionnaya. Sbornik obzorov i referatov. Ser. "Istoriya Rossii"*, Moscow: Tsentr sotsial'nykh nauch.-inform. Issled. 112-161. (in Russian).
23. Lidery Orenburzh'ya sovetsoi epokhi. Biograficheskii spravochnik (2019).. [Leaders of the Orenburg region of the Soviet era. Biographical guide]. Samara: OOO «Slovo». (in Russian).
24. Nauchnyi arkhiv Orenburgskogo gubernatorskogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya [Scientific archive of the Orenburg Governor's Museum of History and Local Lore] (NA OGIKM). f. 2554. op. 1. d. 956.
25. NA OGIKM, f. 2554, op. 1, d. 958.
26. NA OGIKM, f. 2554, op. 1, d. 969.
27. NA OGIKM, f. 2554, op. 1, d. 996.
28. NA OGIKM, f. 2554, op. 1, d. 1003.
29. NA OGIKM, f. 2554, op. 1, d. 1009.
30. Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [United State Archive of the Orenburg Region] (OGA OO). f. 371. op. 28. d. 436.
31. OGA OO, f. 371, op. 28, d. 1254.
32. OGA OO, f. 371, op. 28, d. 1333.

33. OGAOO, f. 371, op. 28, d. 1796.
34. OGAOO, f. 371, op. 28, d. 2064.
35. OGAOO, f. 371, op. 28, d. 2205.
36. OGAOO, f. 371, op. 28, d. 2248.
37. OGAOO, f. 371, op. 28, d. 2255.
38. OGAOO, f. 2554, op. 1, d. 958.
39. OGAOO, f. 2554, op. 1, d. 1031.
40. OGAOO, f. 2837, op. 1, d.65.
41. OGAOO, f. 2837, op. 1, d. 167.
42. OGAOO, f. 2900, op. 1, d. 168.
43. OGAOO, f. 2900, op. 1, d. 169.
44. OGAOO, f. 2900, op. 1, d. 170.
45. OGAOO, f. 2900, op. 1, d. 172.
46. OGAOO, f. 6002, op. 1, d. 76.
47. OGAOO, f. 6002, op. 1, d. 93.
48. OGAOO, f. 6002, op. 1, d. 223.
49. OGAOO, f. 6002, op. 1, d. 240.
50. OGAOO, f. 6002, op. 1, d. 305.
51. OGAOO, f. 6002, op. 1, d. 363.
52. Posadskii, A. V. (2014). *Soldat v tylovoi gubernii v 1917-1918 gg. (na materialakh Saratovskoi gubernii)*. [Soldier in the rear province in 1917-1918. (on the materials of the Saratov province).] In *Ot «germanskoi» k grazhdanskoi: stanovlenie korpusa narodnykh vozhakov russkoi smuty*. Moscow, «AIRO-XXI», 548-570. (in Russian).
53. Safonov, D. A. (2014). «*Frontoviki*» kak sotsial'noe yavlenie v 1917-1918 gg. ["Front-line soldiers" as a social phenomenon in 1917-1918.] In *Ot «germanskoi» k grazhdanskoi: stanovlenie korpusa narodnykh vozhakov russkoi smuty*. Moscow, «AIRO-XXI», 480-502. (in Russian).
54. Safonov, D. A. (2021). *Epoha revolyucionnykh peremen pervoj chetverti XX veka v vospominaniyakh sovremennikov: orenburgskie istochniki: monografiya* [The era of revolutionary changes in the first quarter of the XXth century in the memoirs of contemporaries: Orenburg sources: monograph.] Orenburg, Orenburg state. University Publ. (in Russian).
55. Slezin, A. A. (2022). *Selskaya molodezh pervoy treti XX v. i eye vliyaniye na sotsium v otsenkakh sovremennykh issledovateley* [Rural youth in the first third of the 20th century. and its impact on society in the assessments of modern researchers.]. In *Voprosy istorii*, 8-2, 106-128. (in Russian).
56. Slovar' voennykh terminov (1988). [Dictionary of military terms.] Moscow, Military Publishing House. (in Russian).
57. Smirnov, A. S. (1976). *Bol'sheviki i krest'yanstvo v Oktyabr'skoi revolyutsii*. [Bolsheviks and the peasantry in the October Revolution]. Moscow, Politizdat. (in Russian).
58. Sumpf, A. (2012). *Politicheskaya mobilizatsiya i voennaya demobilizatsiya veteranov kak obshchestvennyi i lichnyi opyt velikoi voiny v Rossii, 1914-1921 gg.* [Political mobilization and military demobilization of veterans as a social and personal experience of the great war in Russia, 1914-1921.] In *Chelovek i lichnost' v istorii Rossii, konets XIX — XX vek* Sankt-Petersburg, Nestor-Istoriya, 493-510. (in Russian).
59. Shanin, T. (2005). *Istoriya pokolenii i pokolencheskaya istoriya* [History of generations and generational history] In *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie*. 3, 6-25. (in Russian).
60. Neil H., Strauss W. (1991). *Generations: the history of America's Future. 1584 to 2069*. New York, Quill. (in English).
61. Wohl R. (1979). *The Generation of 1914*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. (in English).